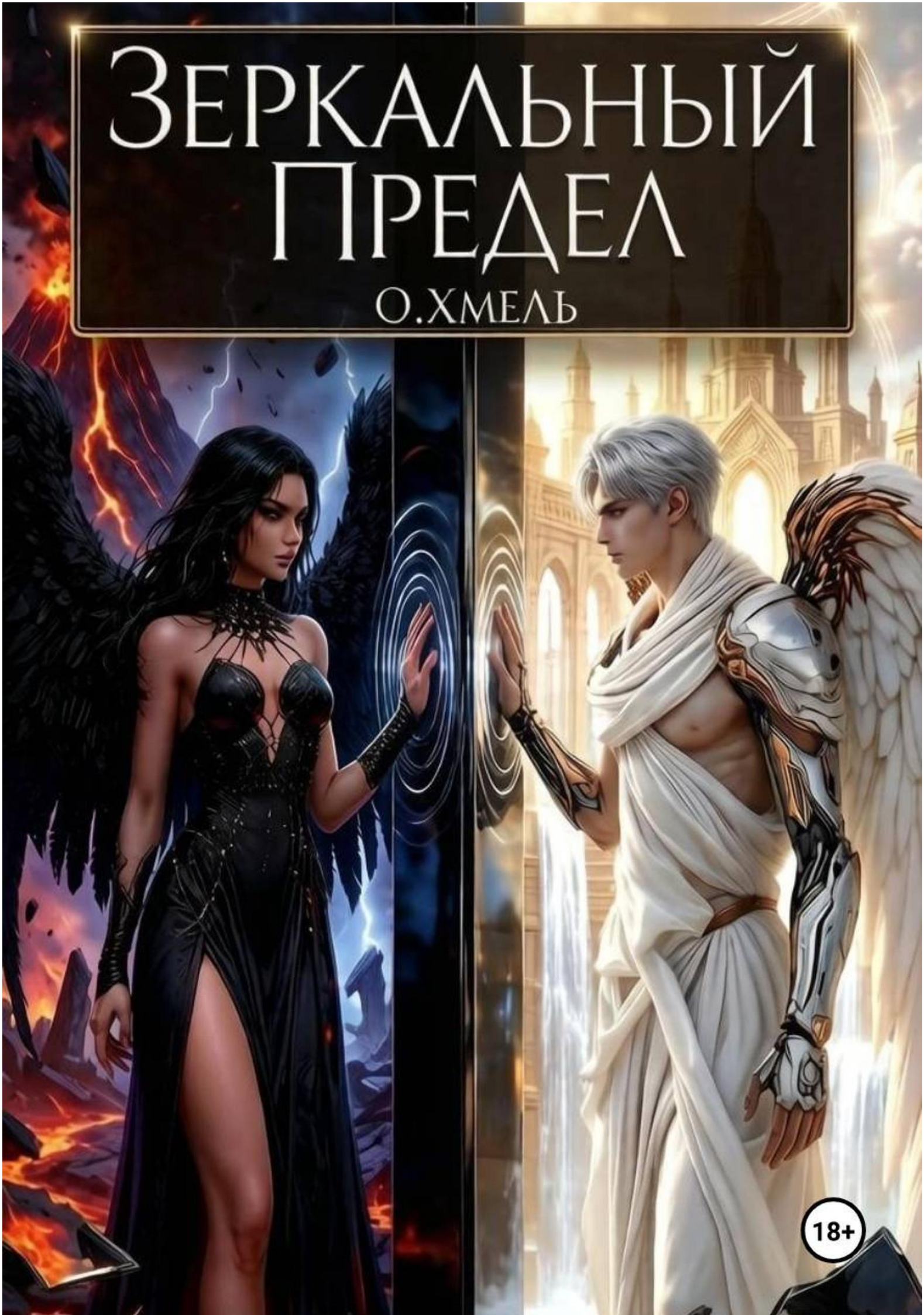
Зеркальный Предел

О.Хмель

18+

Ольга Хмель

Зеркальный Предел

«Автор»
2026

Хмель О.

Зеркальный Предел / О. Хмель — «Автор», 2026

Есть границы, которые нельзя нарушать, и есть те, что приходится нарушать, чтобы выжить. Для неё мир — это игра теней и отражений, для него — порядок, начертанный в небесных письменах. Их пути никогда не должны были пересечься, но зеркальная грань между мирами даёт трещину, и теперь от их решений зависит, удержится ли равновесие. Каждый компромисс отзывается в реальности: там, где раньше была тишина, теперь гремит битва; там, где был свет, ложится тень. «Зеркальный Предел» — о том, как легко потерять себя, пытаясь удержать мир, и как трудно найти опору там, где всё — лишь отражение. Эта история о любви, которая стала оружием. О выборе между светом, который выжигает душу, и тьмой, которая дарит покой могилы. Смогут ли две половины одной катастрофы встретиться на пепелище миров, или их любовь станет лишь искрой, которая сожжет всё сущее дотла?

© Хмель О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Инициация 7
Глава 2. Подарок 13
Глава 3. Проникновение 15
Глава 4. Мысли 17
Глава 5. Встреча 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ольга Хмель
Зеркальный Предел

Пролог

Гром над Эдемом пах озоном и расплавленным золотом. Архангел Рафаил, Хранитель Неба, знал закон. Одно прикосновение к отродью Бездны, одно проявление милосердия — и он падет. Но он помнил другие глаза Лилит. Не янтарные, полные древней ярости, а те, человеческие, полные испуга и мольбы, когда они случайно столкнулись на границе мироздания.

Лилит, дочь Бездны, наследница Пепельных Пустошей. Ее медовые крылья, способные затмить само солнце, были пробиты насквозь. В левой лопатке по самую рукоять сиял Небесный кинжал — оружие, выкованное из слез серафима и застывшего света умирающей звезды. Свет эфира выжигал ее демоническую сущность, обращая бессмертную плоть в серый прах. Она умирала не от ран, она умирала от чистоты, и этот свет был для нее страшнее любой преисподней. Она корчилась в агонии. Лилит подняла на него взгляд. В ее зрачках отражалась его собственная смерть.

— Не смей, — прошипела она, и из уголка ее губ капнула черная, дымящаяся кровь. — Твой свет убьет меня быстрее клинка.

— Он и должен, — ответил Рафаил, опускаясь на колени в пепел. Его нимб вспыхнул так ярко, что тени вокруг сгустились до черноты обсидиана. — Но ты не сгоришь.

Он положил ладонь на рукоять кинжала. Лезвие было ледяным для него и раскаленным для нее. Как только пальцы ангела коснулись освященной стали, Небесный Совет услышал треск. Золотые латы Рафаила пошли трещинами, осыпаясь пылью. Его первозданные крылья из лунного мрамора, как первый снег, едва заметно подрагивали, вспыхнули за спиной нестерпимым белым пламенем, но горели они не от огня — они сгорали от скверны, которую он добровольно впускал в свою суть, вытаскивая кинжал из тела демоницы, а следом из своего. С последним рывком клинок вышел. Рафаил отбросил его прочь. Свет его собственной благодати, смешавшись с ядом преисподней из раны Лилит, обернулся ураганом. Его белоснежные крылья осыпались с плеч не перьями, а сгустками тусклого, мертвого света, превращаясь в серую пыль. За спиной остался лишь тяжелый, влажный воздух и две кровоточащие борозды. Он больше не был архангелом. Он стал падшим.

Лилит судорожно втянула воздух, ее демоническая регенерация начала стремительно затягивать рану. Она приподнялась на локтях, глядя на то, как белые волосы Рафаила темнеют, становясь цвета грозовой тучи, а в его лазурных глазах зажигается багровое пламя Бездны.

— Что ты наделал, безумец? — выдохнула она, но в ее голосе не было торжества, только животный ужас.

Ответить он не успел. Небо над ними раскололось, но не от грома.

Архистратиг и архангелы спустились без крыльев, ступая прямо по воздуху. Их доспехи сияли праведным гневом, а взгляды несли лишь холод абсолютного закона. Воздух сгустился, становясь вязким, как смола, сковывая движения падшего.

— Именем Творца, — голос Михаила, не знающего сомнений, ударил по долине, как молот. — Архангел Рафаил, ты осквернил свою суть. Ты облек демона в милосердие.

Рафаил медленно, тяжело поднялся на ноги. Он чувствовал свои пустые, кровоточащие лопатки, затем на поднимающуюся Лилит. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее янтарных глазах отражался не хищник, а спасенный.

— Да будет так, — тихо произнес падший.

Меч Михаила опустился. Но он не срубил голову. Удар пришелся по ключицам, вбивая в грудь Рафаила незримую, тяжелую печать отверженного. Боль была такой, что выжгла из него остатки небесного спокойствия.

Его не убили. Смерть за такой преступление была бы для ангела слишком легким исходом.

Врата темницы Глубинного Эфира распахнулись прямо в пустоте. Это была не яма с огнем, а сфера абсолютной тишины и остановившегося времени, где нет ни верха, ни низа, а лишь бесконечное падение в собственное одиночество.

— За нарушение Первой Скрижали, — провозгласил Михаил, заталкивая падшего в чернильный провал. — Ты будешь лишен имени, памяти и света. До полного искупления.

Врата захлопнулись, отрезая Рафаила от грохота небесных воинств.

Тишина темницы легла на плечи невыносимым грузом. Но прежде чем абсолютная пустота поглотила его сознание, перед внутренним взором ангела, запертого в клетке из небытия, на одно короткое мгновение вспыхнули янтарные глаза спасенной им демоницы. И он понял, что заточение в Эфире — это не цена за потерю крыльев. Это всего лишь срок до момента, когда Бездна, в которую он упал, снова соединится с Небом, которое он предал.

Их миры не должны были соприкасаться. Граница между Эдемом и Лимбом пролегала по разлому реальности, который ангелы и демоны называли Зеркальным Пределом. Рафаил патрулировал его тысячелетиями, и его долгом, как любого стража Силы Света, было испепелять любую тень, дерзнувшую коснуться небесного света.

Глава 1. Инициация

Преисподняя — это не просто яма с огнем, как представляют себе смертные. Это колоссальная, многослойная империя, существующая в изнанке мироздания. Если Эдем — это симфония порядка, то Лимб — это какофония, рокот вулканов, запах пепла, раскаты грома и молний.

В отличие от других демонов, которые жаждали лишь власти и пыток, Лилит страдала от «Пытливого Яда» — неуемного любопытства.

Ее кожа была цвета янтаря и обсидиана, но не матовая, а полупрозрачная, словно застывшая смола. Сквозь нее в моменты ярости просвечивало черное пламя ее сердца. Волосы — цвета воронова крыла, но в них иногда вспыхивали золотые нити, наследие матери. Глаза — ее главное оружие. Не просто желтые или янтарные, а жидкое золото, в котором тонул любой взгляд. Она была красива той хищной, первобытной красотой, от которой у демонов перехватывало дыхание, а у ангелов — ломался протокол.

Лилит была «Эхом». Она не создавала иллюзии, она *открывала* правду. Прикоснувшись к предмету или существу, она могла услышать его истинную суть, его боль или его ложь.

Пепельные Пустоши, провинция на краю Преисподни, были ее «тюрьмой». Отец видел в ней лишь идеальное оружие. Мать Лилит — Лета, богиня забвения, наделенная особенной магией мироздания. Она была единственной, кто мог усмирить бурю Вел Кхаша. Лета не принадлежала ни одному из миров, она была тем мостиком, который их связывал. Если кто-то либо из противоборствующих сторон света хотел перейти на сторону врага, то приходил к ней и просил забвения своей жизни, чтобы начать новую. Тогда это считался мирный переход по своему праву. Но Лилит невольно забрала ее жизнь. Рождение существа, в котором свет и тьма сплетались в неправильной пропорции, разорвало сущность матери изнутри.

Двор Азмодиила, Владыки Подземелья, находящийся в Сердце Пепла — ядре, куда Лилит начали вывозить еще в юности, казался ей золотой клеткой.

Лилит часами сидела на границе Пепельных Пустошей, глядя вверх. Над ней не было неба. Там была *Грань*. Для демонов Грань — это потолок, твердь, отделяющая их мрак от чужого ладана. Но Лилит смотрела на золотые шпили Эдема не с ненавистью. С завистью.

— Там все *тихое*, — говорила она своему наставнику, старому бесу-архивариусу.

— Там все *мертвое*, — фыркал бес. — Там нет движения. Нет жизни. Только идеальная геометрия.

Но Лилит чувствовала иное. Она часами практиковалась в своем даре, «прислушиваясь» к границе. Она поняла главное, что определило всю ее жизнь: «Ангелы были прекрасными, но пустыми сосудами. Демоны были уродливыми, но полными жизни».

Лилит задыхалась в Пустошах. Ей не хватало кислорода, потому что в Бездне не было места для *сомнения*. Она хотела знать, как звучит голос ангела, какой он по своей природе. Она хотела узнать, что такое «милосердие», о котором шептали пленники на границе.

Двадцать лет по меркам демонов — это момент инициации, когда первородная тьма в крови Княжеского рода достигает критической массы и требует выхода. Для Лилит этот день должен был стать днем крови и пепла. Но стал днем рождения крыльев.

Праздник проходил в Зале Тысячи Отражений, в цитадели Вел Кхаша. Стены здесь были сделаны из полированного вулканического стекла, в котором не отражалось ничего, кроме истинной сути гостей.

Зал был полон. Здесь собрались сливки Бездны: бароны с кожей, похожей на растрескавшуюся землю, инкубы, источающие феромоны безумия, и суккубы, чьи тела меняли форму от каждого вздоха, простые бесы безумия и страсти. Воздух был густым от запаха серы, пролитой крови и похоти.

Лилит ненавидела эти сборища. В свои двадцать она все еще была слишком «чистой» для этого зверинца. Она стояла у окна, выходящего в Пепельные Пустоши, одетая в простое платье из черного шелка с кружевным воротом, которое казалось слишком скромным на фоне обнаженной плоти других демонов.

В этот день ее Дар «Эха» работал на износ. Прикасаясь взглядом к гостям в зеркалах, она слышала их мысли: *«Ее отец стареет…» «Слишком бледная. В ней нет огня…» «Ходячий мертвец. Вел Кхаш зря надеется на эту девчонку…»*

Она была наследницей, но для них — лишь пустым местом, сосудом, который вот-вот должен наполниться либо великой силой, либо лопнуть.

Музыка в зале была похожа на скрежет металла. Когда главный церемониймейстер ударил в гонг, призывая к Танцу Представления (ритуалу, где молодые демоны показывают свою мощь), Лилит вздохнула. Она знала, что ей придется выйти в центр. И она знала, что если не покажет что-то впечатляющее, отец просто скормит ее огненным червям за позор рода.

Она шагнула в центр зала. Гости расступились, образуя круг. В зеркалах вокруг нее отражалась сотня уродливых, искаженных лиц. И одно — совершенно иное.

Азмодиил стоял у дальней колонны. Он не танцевал. Он не пил. Он был статуей из застывшего янтаря. В отличие от других, его отражение в зеркалах было идеальным. Не потому, что он был красив (хотя он был божественно красив), а потому, что его суть была монолитной. В нем не было трещин. Он был воплощенной, уверенной в себе Тьмой.

Лилит начала двигаться. Она не пыталась подражать конвульсиям других демонов. Она закрыла глаза. Ее танец был математикой. Это был расчет траекторий падающей звезды. Она двигалась так, будто гравитация была лишь вежливой просьбой, которой она иногда подчинялась.

Она не показывала клыки. Она не выпускала когти. Она просто *была*. Когда она изгибалась, ее волосы падали, закрывая лицо, но зеркала… зеркала сходили с ума. В них ее силуэт начал двоиться, троиться, превращаясь в спираль из черного дыма и золотого света. Она танцевала не телом. Она танцевала самой структурой пространства вокруг себя.

Азмодиил моргнул. Это было единственное движение, которое он позволил на момент танца. В его золотых глазах, отражавшихся в сотне зеркал, вспыхнул интерес. Он увидел не «дочь графа». Он увидел аномалию. Существо, которое пыталось упорядочить Хаос. Это было… дерзко. И невероятно притягательно. Он увидел в ней потенциал стать не просто Королевой, а равной ему стихией.

Но внешне он остался неподвижен. Он был хищником, выслеживающим редкую добычу. Он не спугнет ее криком.

Танец достиг кульминации. Лилит раскинула руки, запрокидывая голову. Всю свою боль, всю тоску по матери, все презрение двора она вложила в этот жест.

И Бездна ответила.

Сначала это было похоже на взрыв. Воздух в зале стал невыносимо плотным. Суккубы попятились, чувствуя первородный ужас.

Из лопаток Лилит вырвался не огонь. Раскрылся свет.

Это были не кожистые, перепончатые крылья, характерные для низших демонов. И не рваные крылья из дыма. Это были два великолепных, огромных крыла, сотканных из материала, которого не существовало в этом мире. Основания были из черного обсидиана, покрытого рунами, но чем дальше от спины, тем прозрачнее становились перья. Они напоминали застывший дым горящего янтаря, пронизанный золотыми жилками.

Они не были просто конечностями. Они были продолжением ее сути. Каждое перо пульсировало собственным ритмом. Когда она взмахнула ими, в зале погасли все свечи.

Лилит открыла глаза. Она тяжело дышала. Боль от разрыва плоти была адской, но она смешивалась с эйфорией. Она больше не была бескрылой наследницей. Она стала собой.

В зале стояла мертвая тишина.

Вел Кхаш, стоявший на троне, впервые за вечер улыбнулся. Это была улыбка довольного коллекционера.

— Моя дочь, — пророкотал его голос. — Наследница Пепла и Света.

Первой среагировала Астарта — властная демоница Разврата, Похоти и Запретных наслаждений.

Она стояла в первом ряду, полуобнаженная, уверенная в своей красоте, одетая в пурпурное бархатное платье с оголенными плечами. Увидев крылья Лилит, она пошатнулась. Ее собственное лицо, обычно безупречное, пошло рябью от ужаса: *«Она… она светится. Это не демонический огонь. Это свет. Свет убивает нас. Она убьет нас просто стоя здесь. Почему Азмодиил не остановит ее?!»*

Астарта рухнула на колени, пряча лицо в складках чужого плаща. Это послужило сигналом.

Падение началось. Один за другим, бароны Пепельных Пустошей, воины, покрытые шрамами и пеплом, инкубы, мнившие себя богами похоти, — все они опускались на холодный мрамор. Они не кланялись. Они прятались. В Бездне существует первобытный, животный инстинкт: если ты видишь нечто, что не можешь сожрать или убить, и это нечто светится — падай ниц и молись, чтобы тень этого существа скрыла тебя.

Зал из тысячи зеркал превратился в море согбенных спин.

Лилит видела в отражениях их затылки, их дрожащие руки, их рога, скребущие пол. Она была одна, стоящая прямо, окруженная толпой пресмыкающихся. Лилит стояла в центре зала. Ее крылья — великолепные, сотканные из застывшего янтарного дыма и черного обсидиана — пульсировали за спиной, создавая легкий ветер, пахнущий озоном. Для демонов этот запах был чужеродным. Он пах *порядком*. Он пах Небесами. Ее взгляд, как и предсказывал ее Дар, нашел Азмодиила. Он больше не стоял у колонны. Он стоял прямо перед ней, в центре зала. Гости расступились перед ним, как море перед Моисеем.

Он был огромен. Его янтарная кожа светилась в темноте, созданной ее крыльями. Он медленно склонил голову в поклоне — жест, который Владыка Бездны не оказывал никому, кроме, пожалуй, Творца.

— Поздравляю, Принцесса, — его голос был глубоким, обволакивающим, и от него по коже Лилит пошли мурашки. — Теперь у тебя есть то, чем ты сможешь защитить свою корону.

Лилит, все еще пьяная от боли и адреналина, лишь кивнула. Она видела, как смотрят на него другие демоны — с обожанием и страхом. Самый желанный мужчина Бездны заговорил с ней.

— Это… подарок? — тихо спросила она, все еще чувствуя, как по спине течет кровь.

Азмодиил позволил себе тень улыбки. Он сделал шаг ближе, сокращая дистанцию до неприличной. Его рука поднялась, но не коснулась ее. Он лишь очертил в воздухе контур ее левого крыла, не смея осквернить его прикосновением.

— Это не подарок, Лилит, — прошептал он так, чтобы слышала только она. — Это залог.

Он выпрямился и отступил на шаг, снова становясь недосягаемым Владыкой.

— Теперь ты видишь всё. И всех. Не разочаруй меня.

Он развернулся и пошел к выходу, оставив ее стоять в центре ревущей толпы.

Лилит стояла, окруженная восхищением, но внутри нее поселился лед. Она только что обрела крылья, но в тот момент, когда Азмодиил посмотрел на нее, она поняла, что уже попала в клетку.

Она подняла руку и коснулась своего плеча. Кровь была теплой. Но там, где только что были рваные раны от прорезавшихся крыльев, плоть уже стремительно затягивалась, оставляя лишь гладкую, смоляную кожу. Бездна приняла ее целиком.

Тишина, наступившая в Зале Тысячи Отражений, была тяжелее любого рева. Она давила на плечи, заставляя демонов — существ, привыкших к хаосу и шуму, — инстинктивно опускать головы.

Вел Кхаш не спешил спускаться с трона. Он сидел, похожий на ожившую гору, и его желтые глаза хищно блестели. Он не был удивлен — он был *удовлетворен*. Его эксперимент удался. Но правила требовали ритуала.

Он медленно поднялся. От его шагов задрожали стекла.

— Хватит, — его голос не был громким, но он резонировал с фундаментом цитадели.

Демоны замерли, вжимаясь в пол. Вел Кхаш спустился по ступеням. Он не смотрел на крылья дочери с умилением. Он смотрел на них как на идеальное оружие, которое наконец-то вышло из кузницы.

— Подойди, — приказал он.

Лилит шагнула к нему. Каждое движение крыльев было для нее новым, она еще не чувствовала их как часть тела, и они слегка задевали стоявших сзади гостей, заставляя тех вскрикивать от боли — касание небесного света обжигало демоническую плоть.

Вел Кхаш подошел вплотную. Он был на две головы выше ее. Его рука, похожая на кусок застывшей лавы, поднялась. Он не коснулся перьев. Он обхватил пальцами ее горло — жест собственника, а не отца.

— Ты разочаровала меня тем, что скрывала это, — прорычал он ей в лицо, игнорируя испуганный вздох зала. — Но ты порадовала меня тем, *какими* они оказались.

Он отпустил ее и повернулся к залу.

— Смотрите на нее! — взревел граф, указывая на дочь. — Смотрите на мою кровь! Вы называли ее бледной! Вы называли ее мертвой! Вы говорили, что в ней нет огня!

Он схватил факел со стены и поднес к ее левому крылу. Лилит напряглась, ожидая боли, но пламя просто… растворилось. Огонь Бездны, способный плавить камни, исчез, соприкоснувшись с золотым светом ее перьев, не оставив даже дыма.

— Это не огонь, — Вел Кхаш оскалился, обнажив клыки. — Это *Солнце*. Моя дочь принесла Солнце в Пепельные Пустоши.

Зал снова взорвался ревом, но на этот раз это был рев обожания. Страх никуда не делся, но теперь он был приправлен фанатичным экстазом. Они видели Чудо.

Когда Вел Кхаш вернулся на трон, объявив пир продолженным, лед треснул. Демоны поднялись, но дистанция была соблюдена. Вокруг Лилит образовалось пустое пространство — круг выжженного воздуха. Никто не смел подойти ближе чем на пять шагов.

Лилит стояла, принимая этот ужас и восхищение. Ее плечи болели от непривычной тяжести, но спина была прямой.

К ней подошел Барон Грат, старый, покрытый шрамами демон, который еще вчера называл ее «бледной молью» в зеркалах. Сейчас он полз к ней на коленях, его кожа дымилась от близости ее крыльев.

— Принцесса… — прохрипел он, пытаясь поцеловать край ее платья. — Я всегда видел… я всегда знал, что вы — Дыхание нашего Творца…

Лилит брезгливо отступила. Она слышала его ложь так же четко, как стук его трусливого сердца. Он боялся ее до мокрых штанов, но его язык уже вылизывал ее сапоги.

— Встань, Барон, — холодно сказала она. — Ты пачкаешь мой пепел.

Грат замер, а затем медленно поднялся. В его глазах на долю секунды мелькнула такая ненависть, что Лилит поняла: эти крылья только что подписали ей смертный приговор среди своих. Демоны не прощают чистоты.

Лилит снова почувствовала его присутствие… Азмодиил.

Он не ушел. Он стоял среди своих соратников. Верный Страж Азазель и два Верховных демона Веельзувел и Гадриэль потягивали демоническую лаву из кубков и неспешно разговаривали.

Азмодиил просто *смотрел*.

Их взгляды встретились в одном из зеркал. В глазах Азмодиила не было ни страха, ни слепого обожания толпы. Там было… понимание. И что-то еще. Что-то темное и горячее, как магма.

Он видел не «Солнце». Он видел аномалию. Существо, которое стоит в центре зала, полное небесного света, но рожденное в пепле. Он видел идеальный инструмент. И идеальный вызов.

Он едва заметно кивнул ей. Не поклон, а признание равного. *«Это было впечатляюще, Наследница. Но посмотрим, сможешь ли ты удержать этот свет, когда Пустоши попытаются его пожрать».*

Лилит почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ее крыльями. Толпа обожала ее. Отец использовал ее. А Азмодиил… Азмодиил уже планировал, как забрать это чудо себе.

Она расправила крылья. Золотой свет залил зал, ослепляя демонов. Пусть смотрят. Пусть боятся. Теперь у нее была броня, которую не пробить ни когтями, ни ложью.

Пир закончился. Гости разъехались, оставив после себя запах пролитой крови, перегара и страха. Вел Кхаш удалился в свои покои, чтобы пересчитать дань и обдумать, как использовать «Солнце» дочери.

Азмодиил покинул цитадель Вел Кхаша и отправился в свою резиденцию. Она находилась в Сердце Пепла Лимба, за сотни миль от Пустошей. Но пространство Бездны податливо для тех, кто владеет его сутью. Азмодиил стоял в своем кабинете, стены которого были выточены из цельного куска застывшего времени. Темные высокие потолки, как бездонное пространство космоса, давили сверху. Лунный свет отражался на стенах.

Он плеснул в кубок «Слезу Геенны». Огненная жидкость обожгла горло, но не принесла успокоения. Перед его глазами стояло отражение из Зала Тысячи Отражений.

Азмодиил подошел к своему столу. На столе не было бумаг — только карта Лимба, вырезанная в кости, и несколько кристаллов памяти. Он сжал в ладони один из них — черный, пульсирующий.

Он не думал о ее красоте. Красота в Бездне — дешевый товар, его полно в любом борделе Инфернуса. Он оценивал ее как стратег оценивает редкую осадную машину, внезапно появившуюся на поле боя.

«Крылья не демонические», — думал Азмодиил, глядя на огонек свечи. — *«Ее крылья — это продолжение ее ауры. Проекция»*. Он вспомнил, как погасли свечи. *«Она не просто летает. Она поглощает свет. Вел Кхаш идиот, если думает, что это „Солнце“. Это Черная Дыра в форме перьев. Она втягивает в себя энергию Хаоса (огонь факелов) и, судя по запаху озона, способна резонировать с Порядком»*. В ближнем бою ее невозможно сжечь. Любой удар огнем сделает ее только сильнее. Это идеальный щит.

Азмодиил налил себе еще. Его янтарные глаза сузились, когда он вспомнил момент танца. *«Она танцевала не для них. Она танцевала, чтобы не слышать их мыслей. Она ненавидит двор так же сильно, как и я. Но если я построил свою клетку сам и запер дверь, то она бьется о прутья, которые поставили другие»*. Он вспомнил ее страх, когда он подошел к ней. *«Она одинока. Власть для нее — не цель, а способ купить тишину. Это делает ее предсказуемой. Она пойдет за любым, кто пообещает ей покой и признает ее силу.* Она жаждет не поклонения, а понимания. Это ее главная уязвимость. И мой главный рычаг».

Азмодиил подошел к окну, выходящему в кипящую пропасть. *«Мать умерла родами. Вел Кхаш не смог дать ей жизнь, только сосуд. Лилит — это ошибка системы. Полукровка*

по сути, если не по крови. Она — Пепел, пытающийся стать Светом. Или Свет, запертый в Пепле». Он сжал подоконник так, что камень застонал. *«Она — живое воплощение того, чем я хочу сделать весь Лимб. Идеальный порядок, рожденный из абсолютного разрушения* . Она не просто наследница. Она — недостающее звено. Моя Королева — это не титул. Это алхимический брак».

Азмодиил вернулся в реальность. Он поставил кубок. Решение было принято еще в тот момент, когда она вышла в центр зала. Но хищник не нападает сразу. Он метит территорию.

Он щелкнул пальцами. В углу кабинета сгустилась тень. Это был не демон, а *вестник* — сгусток его воли.

— Передай, — бросил Азмодиил в тень. — Барону Грату. Я дарую ему право собирать дань с Серебряных Шахт на следующий цикл луны.

Шахты были владениями Вел Кхаша. Это был плевок в лицо отцу Лилит. Азмодиил не просто забирал ресурс. Он показывал, что считает территорию Пустошей уже своей, а Вел Кхаша — лишь старым сторожем.

Затем он подошел к зеркалу в полный рост. Его кожа, обычно гладкая, сейчас была покрыта сложными узорами — он готовил себя к чему-то энергозатратному.

Глава 2. Подарок

Азмодиил не стал долго ждать. Он явился в цитадель Вел Кхаша через неделю. Он вошел без доклада, минуя стражу, которая просто осыпалась пеплом на его пути. Он прошел в сад Лилит — единственное место в этой каменной тюрьме, где росли ее черные и красные розы.

Лилит была там. Она стояла спиной к нему. Ее крылья были сложены, но они все еще светились сквозь тонкую ткань накидки. Она не слышала его шагов — он этого не хотел. Она *чувствовала* его.

— Бароны напуганы, — сказал Азмодиил. Его голос эхом отразился от стен. — Они думают, что ты принесешь им свет, который их исцелит. Глупцы. Ты принесла им свет, который их ослепит.

Лилит не обернулась. Ее плечи напряглись.

— Это праздник отца.

— Твой отец празднует то, что может продать, — Азмодиил подошел ближе. Он держал в руках что-то длинное, завернутое в ткань из паутины. — Я праздную то, что могу *взять*.

Он развернул ткань. Это был кнут. Но не из кожи или металла. Он был соткан из тысяч живых, шевелящихся теней, а рукоять была выточена из зуба Левиафана.

— Это «Скорбь Бездны» — Азмодиил протянул его Лилит. — Вчера ты показала, что умеешь защищаться. Сегодня ты должна научиться *наказывать*.

Лилит наконец повернулась. Она посмотрела на кнут, затем на него.

— Я не палач отца.

Азмодиил улыбнулся. Это была холодная, оценивающая улыбка.

— Ошибаешься. Ты — палач Бездны. Ты просто еще не выбрала свою первую жертву. Держи.

Он не вложил кнут ей в руки. Он уронил его на мрамор у ее ног. — Докажи, что крылья тебе дали не для украшения, Наследница. Или отдай их тому, кто знает, как пользоваться оружием.

Он развернулся и пошел к выходу. У двери он остановился.

— Танец был хорош. Но крылья… крылья были *гениальны*. Не разочаруй меня до следующей луны, Лилит. Война на границах может начаться в любой момент.

Двери закрылись. Лилит осталась одна. Она посмотрела на кнут у своих ног. Это был не подарок. Это был приказ. Азмодиил не просто оценил ее потенциал. Он начал ее *формировать*, вбивая в нее свою волю, как гвозди. И самое страшное было в том, что она чувствовала, как ее крылья за спиной нетерпеливо дергаются в ожидании первого удара.

Слова Азмодиила повисли в воздухе цитадели Вел Кхаша тяжелым, ядовитым туманом. «Война». «Оружие». «Палач».

Лилит стояла в саду, пока шаги Владыки не стихли вдали. Кнут из живой тьмы лежал у ее ног, извиваясь, словно раненая змея, пытаясь дотянуться до ее сапог.

Лилит посмотрела на кнут. Она слышала его жажду. Ее Дар «Эха» шептал ей желания этого артефакта: он хотел рвать плоть, пить страх, сеять ужас. Он был идеальным воплощением того, чего от нее ждал двор.

Она медленно наклонилась. Но вместо того чтобы поднять оружие, она положила ладонь на мрамор рядом с ним.

— Спи, — прошептала она.

Тени, из которых был сплетен кнут, зашипели. Они потянулись к ее руке, пытаясь проникнуть под кожу, найти в ней демонический огонь. Но Лилит не дала им огня. Она дала им холод. Тени съежились. Кнут замер, превратившись в обычную, мертвую полосу обсидиана.

Лилит подняла его. Оружие больше не пульсировало жизнью. Оно стало послушным, холодным куском камня. Она не бросила его в костер — это было бы признанием страха. Она вошла в свои покои, подошла к фреске, изображающей карту Лимба, и с силой нажала на глаз древнего бога, высеченный в стене.

Каменная панель отъехала в сторону, открывая тайник — небольшую нишу, где Лилит прятала свои настоящие сокровища: осколки метеоритов, засушенные цветы из нейтральных земель и книги, украденные из библиотеки отца. Она положила «Скорбь Бездны» туда и закрыла панель.

Пусть Азмодиил думает, что она просто еще не взяла его в руки. Пусть ждет.

Вел Кхаш был в ярости. Не из-за того, что Азмодиил посмел диктовать условия, а из-за того, что это сделал не он.

— Сколько еще ты будешь сидеть в этой башне?! — ревел граф, его лицо наливалось чернотой. — Мой единственный наследник будет прятаться в библиотеке, пока Азмодиил укрепляет границы?!

Лилит стояла перед ним, скрестив руки на груди. Ее крылья были плотно прижаты к спине, но свечение едва заметно проступало сквозь ткань, заставляя Вел Кхаша щуриться.

— Я не прячусь, отец. Я *учусь*, — спокойно ответила она. — Азмодиил умен. У него есть все. Ты хочешь и меня ему отдать? Я не знаю этого мира. Я знаю только Пустоши.

— Я хочу, чтобы и у тебя было все! И если нужно, чтобы он был твоим знанием — значит будет так! — удар кулака по столу.

— Я узнаю через Зеркальный Предел, — Лилит подняла на него глаза. — Ты хочешь, чтобы я стала его женой? Королевой? Тогда дай мне то, что принадлежит мне по праву наследницы. Позволь мне коснуться Границы.

Вел Кхаш замер. Коснуться Предела — верное самоубийство для любого демона. Свет Эдема выжжет их изнутри. Но Лилит… Лилит была другой. Ее крылья светились.

— Если ты сгоришь, Азмодиил заберет Пустоши по праву сильного, — прохрипел Вел Кхаш. — А значит и смерть твоя будет напрасной.

— Я не сгорю, — улыбнулась Лилит. — Я — та, кто рожден на стыке.

Князь долго смотрел на нее. Он видел в ней не дочь. Он видел ключ.

— У тебя не так много времени. Князь не любит ждать, — наконец бросил он. — Если ты не вернешься или станешь калекой, я сам отдам тебя Азмодиилу по частям. И он начнет войну без тебя.

Глава 3. Проникновение

Лилит знала, что не сможет просто подойти к Пределу. Даже если ее крылья защитят ее тело, ее аура — ее демоническая суть — будет кричать, привлекая внимание Небесных патрулей.

Она заперлась тайком от своего наставника — архивариуса в алхимической лаборатории, что была расположена в высокой башне поместья. По своей структуре это было волшебное место. Винтовая лестница из главного зала уходила под самый верхний этаж. Оттуда можно было попасть сразу на балкон, с которого открывался вид на все Пепельные пустоши. Рядом был расположен вход в лабораторию со стеклянным куполом. Когда наставник, старый демон, рассказывал Лилит о мироздании, то открывал этот купол, и раскрывался изумительный вид на звездное небо. Вся небесная мощь давила всем своим естеством.

Лилит не могла спрятать крылья — они были частью ее позвоночника. Но она могла спрятать *их свет*. И свою природу. Она сварила состав из праха древних демонов и сока подземной лавы. Густая, серая мазь. Она покрыла свои крылья этим составом. Свечение погасло, поглощенное пеплом. Теперь крылья выглядели как у обычной демоницы — просто сгустки тьмы. С помощью магии крови и боли она создала на своем лице тончайшую пленку — иллюзию. Она не меняла черты лица, она меняла *отражение*. Любой, кто посмотрит на нее, увидит не наследницу, а обычную заурядную демоницу. Затем она выпила ледяную воду из подземных источников. Это приглушило ее внутренний огонь, превратив его в тлеющий уголь.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале. На нее смотрела бледная, почти серая девушка с темными волосами. В ней не было ничего от Принцессы Пепла. Она выглядела обычной.

Идеально.

Она покинула цитадель ночью. Пепельные Пустоши встретили ее привычным воем ветра. Она шла пешком. Ее крылья, скрытые под слоем пепла, были сложены, но она чувствовала их тяжесть и скрытую мощь.

Чем ближе она подходила к Зеркальному Пределу, тем тише становилось вокруг. Здесь не было ветра. Здесь само время замедляло ход, боясь коснуться совершенства Эдема. И вот она увидела его. Вертикальная гладь жидкого серебра, висящая в пустоте. Она не отражала землю. Она отражала *суть*. Лилит подошла ближе и взглянула на свое отражение.

Пленка — иллюзия работала. Но зеркало было глубже. Сквозь серую маску «ошибки» на нее взглянула она сама — та, с золотыми крыльями, рожденная в боли. Зеркало знало правду.

Лилит протянула руку. Ее пальцы замерли в дюйме от поверхности. Она знала правила. Демон, коснувшийся этого, превращается в прах за мгновение. Но она не была просто демоном.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на своих крыльях. Она не использовала их силу. Она использовала их *природу*. Ее крылья были созданы на стыке (благодаря свойствам ее матери, не принадлежавшей ни одному из миров). Они несли в себе свет.

Она коснулась поверхности не кожей. Она коснулась ее *светом*.

Поверхность Предела пошла рябью, но не обожгла. Вместо боли пришло ощущение… чистоты. Впервые за все годы она почувствовала, что может дышать полной грудью. Пепел Пустошей больше не царапал легкие.

— Значит, вот каково это, — прошептала она.

Она нажала сильнее. Зеркало не разбилось. Оно расступилось, как вода, втягивая ее внутрь.

Переход был мгновенным. Не было взрыва. Не было света. Просто звук изменился. Вместо воя ветра — хрустальный звон. Вместо запаха серы — запах озона и чего-то сладкого, похожего на нектар.

Она оказалась в серединном пространстве между Эдемом и Лимбом. Она видела прекрасные архитектурные строения из белого мрамора, водопады и чистейшие озера — из слез ангелов, в которых купались звезды, величественный шпиль — центр Эдема с его обсерваторией. Она прошла сквозь, стоя на Грани. Ее маскировка работала — она была серым пятном на золотом фоне, невидимкой, словно в тумане был ее образ.

Лилит вслушивалась в тишину. Она искала ответы. Как здесь все устроено? Почему этот порядок кажется таким хрупким?

Она услышала шаги. Легкие, лишенные тяжести демонических лап. Она выглянула.

По коридору шел архангел. Высокий, в серебряно — золотых латах, которые казались слишком тяжелыми для его плеч. Его волосы были цвета лунного света, а за спиной виднелись белоснежные крылья. От их чистоты и божественности слепило глаза.

Он остановился и посмотрел в сторону Лимба. Его плечи опустились. Он не был похож на воина. Он был похож на странника.

Лилит затаила дыхание. Ее Дар «Эха» сработал сам собой, без ее воли. Она коснулась его силуэта взглядом.

И она отшатнулась, зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Волна чужой боли, обрушившаяся на нее, была физически ощутимой. Она была такой глубокой, такой древней и такой *настоящей*, что демоническая суть Лилит завыла в экстазе.

Она видела не ангела. Она видела костер, который жжет сам себя, чтобы согреть комнату. Она видела кинжал, который вырезает собственное сердце, чтобы доказать свою чистоту. Это было как провидение, которое должно было произойти с архангелом по воле начертанной судьбы.

— Рафаил… — сорвалось с ее губ беззвучно, просто выдохом.

Лилит сама не поняла, почему так назвала его.

Архангел вздрогнул. Он резко обернулся, его рука метнулась к эфесу меча. Он смотрел прямо на нее, но его взгляд был расфокусированным. Он *чувствовал* ее присутствие — ее Дар и ее демоническая суть кричали в его мозгу, как сирена, — но его глаза, затуманенные болью и, возможно, эликсирами, не видели серой фигуры.

Эликсир архангел принимал, как успокоительное перед сном и с утра. Его беспокоили тревожные сны, которые он проснувшись не мог передать или описать словами. В лазарете ему прописали их как лекарство. Послушный архангел не подвергал это назначение сомнению.

— Кто здесь? — его голос был хриплым, слегка сорванным от крика в пустоту.

Лилит вжалась в камень. Она пришла сюда за знаниями о мироздании. Но сейчас, глядя на это сломленное, сияющее изнутри отчаянием существо, она поняла, что нашла нечто гораздо более опасное.

Она нашла тайну, которую надо понять и изучить.

Глава 4. Мысли

Лилит бежала, не разбирая дороги.

Грань захлопнулась за ней с беззвучным щелчком, отрезав золотой свет Эдема. Она упала на колени в серый пепел Лимба, тяжело дыша. Сердце, которое она считала куском остывшего камня, билось где-то в горле, готовое выпрыгнуть.

Она только что сделала невозможное. Она прошла Грань.

Лилит сидела на пепелище, пытаясь унять дрожь. Эдем пах… неправильно. Там не было привычной серы, гари и запаха тлена. Там пахло *чистотой*. Но это была не та стерильность, которой пичкал ее отец в цитадели. Это был запах живого. Запах озона после грозы, сладкого нектара и чего-то еще… чего-то, чему у нее не было названия.

Она коснулась своей щеки. На коже все еще остался холод от соприкосновения с Гранью. Она посмотрела на свои руки. На них не было пепла. Она смыла маскировку, когда вернулась, но ей казалось, что золотой свет Эдема все еще въелся под ногти.

Она коснулась своего плеча. Там, где у нее должны были быть крылья, чувствовался фантомный зуд. Она расправила их — тяжелые, великолепные, сотканные из дыма и обсидиана. Они казались ей теперь уродливыми. Грязными. «*Там… там всё сияет*», — подумала она. — «*Там нет грязи. Там нет вони страха*».

Она вспомнила архангела. Он стоял на балконе, освещенный золотым светом. Он не был похож на тех ангелов, о которых слагали байки в Пустошах — карающих, сияющих, идеальных. Он был… сломанным. Его крылья были белоснежными, как облака в Эдеме. Его плечи опущены. Он излучал… тоску. Такую густую и тяжелую, что Лилит почувствовала ее вкус на языке, даже стоя внизу.

Она коснулась своих губ. Они все еще горели. Она не знала его имени. Она не знала его ранга. Но она видела, как он стоял там, глядя на Лимб.

Она вспомнила его профиль. Резкие скулы, волосы цвета лунного света, выбившиеся из-под доспеха. Он не был похож на чудовищ из ее кошмаров. Он был… красивым. Пугающе, неправильно красивым.

Лилит прижала колени к груди. «*Он стоял и смотрел на Лимб*», — думала она. — «*Зачем? Он должен ненавидеть нас. Он должен хотеть сжечь нас*».

Но он не смотрел с ненавистью. В его глазах была такая глухая, бесконечная тоска, что Лилит, привыкшая к ярости и боли, почувствовала себя… уязвимой.

«*Он тоже чужой*», — пронеслось в голове.

Внутри нее, там, где должен был быть страх перед Небесами, начало разгораться что-то иное. Запретное.

Любопытство. Оно было острее, чем любопытство, которое привело ее к Зеркальному Пределу. Это было желание узнать: каково это — быть тем, кого боятся даже здесь, в Бездне? Каково это — носить на плечах такую тяжесть, что она пригибает к земле?

Она коснулась своей груди. Там, где у нее было сердце, сейчас бился странный, быстрый ритм. «*Он почувствовал меня*», — поняла она. — «*Он обернулся. Он смотрел прямо на меня*».

Она не пряталась достаточно хорошо. Он *почувствовал* ее взгляд. Мысль об этом заставила ее щеки потеплеть. Ей, Наследнице Пепла, стало стыдно перед архангелом.

Она представила, как он стоит там сейчас. Один. Пьет свой эликсир, чтобы уснуть. Ей захотелось вернуться, чтобы просто стоять по ту сторону Грани и смотреть, как он дышит.

Лилит встала. Пепел осыпался с ее платья. Она посмотрела на свои руки. «*Он не знает, кто я*», — подумала она. — «*Он видел просто демона. Исчадие ада*».

Но она видела *его*. Она видела дыру в его груди. И ей внезапно захотелось заполнить эту дыру. Не ядом, не огнем. Чем-то другим.

Она вернулась в свои покои. Она не легла спать. Лилит подошла к окну, выходящему в сторону Эдема. Она смотрела на Грань, сквозь нее. На золотой свет там в далеко, который теперь не казался ей таким уж мертвым. Она больше не была просто Наследницей, прячущейся от отца. Она была Лилит. той, кто видела архангела «плачущим».

И она знала, что завтра пойдет на эшафот, если придется, но снова встанет у той Грани. Она шагнула к кровати, но сон не шел. Она смотрела в темноту, чувствуя, как внутри, там, где всегда была только выжженная земля, прорастает что-то хрупкое, горячее и смертельно опасное.

Рафаил вернулся на свой пост у Зеркального Предела, когда над Эдемом сгустилась ночь.

Эликсир Покоя, который он выпил перед патрулированием, делал мир плоским и безмятежным, но не мог заглушить странное, тянущее чувство в груди, оставшееся после ощущения чужого взгляда.

Он подошел к самой кромке. Вертикальная гладь жидкого серебра отражала его лицо — уставшее, с тенями под глазами. Он смотрел на свое отражение, пытаясь понять, что именно он видел там, внизу.

Он посмотрел на Грань. Там, по ту сторону, в фиолетовом тумане, горел одинокий желтый огонек. Он не знал имени. Он не знал ранга. Но она уже видела его и знала, что творилось у него не душе. Она видела его тоску.

Он посмотрел на золотые шпили Эдема. И твердо решил.

— Я не пью эликсир, — прошептал он в ночь.

Он остался стоять у Грани, вглядываясь в темноту Лимба, пока звезды над Эдемом не начали бледнеть перед рассветом. Он не чувствовал усталости. Он чувствовал предвкушение. Запретное, опасное, но живое.

Глава 5. Встреча

Граница между Эдемом и Лимбом. Это не твердая земля, а зыбкая полоса пространства, где законы физики подрагивают. С одной стороны — слепящее золотое сияние, кристально чистейшая вода, поющие хрустальные шпили Эдема и неподвижный, стерильный воздух. С другой — клубящийся фиолетово-черный туман Лимба, запах озона, серы, пепла, извергающихся вулканов и далекий гул громового неба. Сама граница выглядит как бесконечная водная гладь или ртуть, висящая вертикально в пустоте. Она отражает не лица, а истинную суть: ангелы видят в ней свои страхи и сомнения, демоны — свои тайные желания.

Их встреча была случайностью, рожденной из глупой, почти детской дерзости. Лилит, приняв снова облик обычной женщины — демона низшего ранга, не представляющего угрозы, с кожей цвета слоновой кости, чтобы не выдать себя золотым сиянием ауры, подобралась к Пределу слишком близко. Она хотела снова коснуться «воды» Зеркального Предела, чтобы узнать побольше, а если повезет, то снова сделать свое проникновение и увидеть его. Лилит стояла на границе. Она пришла сюда не для того, чтобы сбежать из Лимба. Она пришла за ответами. После того как она коснулась Грани в прошлый раз и прошла сквозь нее, ее не покидало чувство, что Зеркальный Предел — это не просто стена. Это мембрана. И если надавить правильно, она поддастся.

Она стояла на самом краю Пепельных Пустошей. Ветер здесь пах озоном и чем-то сладким — чужим запахом Эдема. Она закрыла глаза, сосредоточившись на кончиках пальцев. Демоница пыталась «нащупать» частоту, на которой вибрировала Грань. Она подняла руку, готовясь снова коснуться границы светом, когда почувствовала изменение.

Рафаил завершал ночной обход. Эликсир Покоя туманил разум, делая золотые шпили Эдема похожими на красивую, но бездушную гравюру. Он патрулировал этот сектор уже три года. Здесь никогда ничего не происходило. Ангелы не нарушают границы, демоны не смеют подойти. Рафаил испытывал скуку абсолютного порядка и легкое раздражение. Он сканирует горизонт, его взгляд — это геометрически точный луч. Вдруг почувствовал искажение эфира за долю секунды до того, как увидел ее.

Это было не чувство опасности. Это было… *несоответствие*. Как фальшивая нота в идеальной симфонии. Его взгляд метнулся к Грани. Эдемийское зрение позволяло видеть сквозь Предел. И он увидел *ее*.

Она стояла по ту сторону. Это была демоница, он сразу понял по структуре ауры — пульсирующий хаос. Она стояла неподвижно, как статуя, с закрытыми глазами. От нее исходила такая концентрация силы, что сам воздух вокруг Грани начал дрожать. Она не пыталась вломиться. Она… *изучала* Грань.

Туман в голове рассеялся, сменившись ледяным шоком. «*Что она делает? Она же… она просто стоит. Почему она здесь? Что ей нужно?*»

Демоны в его понимании были хищным зверьем. А эта… эта была похожа на паломницу.

Вместо того чтобы поднять тревогу о возможном нарушении границ и вызвать отряд с огненными клинками, он сделал шаг вперед. Его рука сама легла на эфес меча — не для удара, а для уверенности. Рафаил приготовился. Он ждал, что будет дальше.

Он подошел к Грани. Архангел стоял в десяти шагах от нее, скрытый ночной тенью своего мира. Он смотрел, как она плавно, медленно поднимает руку. Ее пальцы светились странным, фиолетово — черным светом, который не был похож на огонь.

Она коснулась Предела. Серебро пошло рябью, но не обожгло ее. Рафаил затаил дыхание. «*Невозможно. Свет должен сжечь ее на месте. Почему она…*»

Она открыла глаза. Ее взгляд — два озера расплавленного янтаря — скользнул по его стороне Грани.

Она *почувствовала* его взгляд. Лилит вздрогнула. На той стороне стоял он. Архангел.

Она видела его ауру — она была похожа на сломанный клинок. Слишком много Света, запертого в неправильной форме. Но смотрел они на нее не как на цель. Как на загадку.

Она не отдернула руку от Грани. Она медленно опустила ее и сделала шаг в сторону, выходя из тени скалы Лимба на открытое пространство. Она встала прямо напротив него, на линии взгляда. Теперь она была полностью на виду.

Она подняла руку снова. Но на этот раз она не коснулась Грани. Она просто приложила ладонь к поверхности, прямо напротив того места, где стоял он. Ее движение было плавным, лишенным демонической резкости. Она просто стояла, расправив плечи. Ее крылья — черный обсидиан с золотыми прожилками — поймали свет и на мгновение вспыхнули, как застывший янтарь. Она смотрела прямо на него. Сквозь Зеркальный Предел, сквозь разделяющее их расстояние, сквозь законы Творца.

«Смотри», — говорил ее жест. — «*Я знаю, что ты там. Я вижу тебя»*.

Рафаил перестал дышать. Архангел смотрел на эту ладонь. Маленькая, смоляная, на фоне идеального серебра. Его сердце, замедленное эликсиром (выпитым еще с вечера прошлого дня), пропустило удар, а затем забилось с бешеной скоростью. Эликсир в его крови пытался подавить реакцию, отвергать увиденное, но разум отказывался. Он смотрел в эти глаза и видел не Бездну. Он видел *глубину*. В них не было жажды крови, не было безумия низших тварей. Он просто смотрел на демоницу через границу, и в его голове была абсолютная, звенящая пустота. Он забыл слова. Забыл молитвы. Он видел только ее там, за Гранью, в пепле и тьме… *настоящую.*

Лилит улыбнулась. Ее губы, цвета темной крови, дрогнули в слабой, едва заметной усмешке. Она не ждала, что он ответит. Она просто получила то, за чем пришла: знание и удовлетворение. Знание о том, что Грань можно преодолеть и удовлетворение от осознания, что он ее заметил. Она чувствовала его напряжение, как чувствуют приближение грозы. Она медленно подняла голову. Ее движения были настолько выверенными и спокойными, что это выглядело как вызов самой природе вещей. Демоны не смотрят так. Демоны бросаются.

Рука Рафаила отпустила эфес меча. Он забыл, что должен звать стражу. Он забыл, что должен бояться. Он смотрел на нее, и его разум — затуманенный десятилетиями стерильной жизни и эликсиров — отказывался понимать, кто перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.